

Не успел дворецкий договорить, как из спальни донесся слабый голос, сопровождаемый кашлем:

— Это ты, Тан Цю? Входи.

Тан Цю бросила взгляд на дворецкого, и тому ничего не оставалось, как отойти в сторону и впустить ее.

Спальня Цзян Шаочэна была обставлена скудно, черно-белое полотно было почти удушающим. Он все еще находился в своем инвалидном кресле. Он несколько раз кашлянул, а затем перевел взгляд на Тан Цю, задавая невысказанный вопрос.

— Я никогда раньше не была ничьей женой, — объяснила она. — Я решила... прийти и спросить, какие обязанности от меня требуются.

Слова уже готовы были сорваться с языка Цзян Шаочэна, чтобы заверить ее, что от нее ничего не требуется, но потом он передумал:

— В комнате тепло. Если ты не возражаешь... ты могла бы помочь мне переодеться.

Он все еще был одет в свой официальный костюм со свадьбы.

Тан Цю кивнула и ловкими пальцами расстегнула пуговицы на его костюме. Когда она снимала с него пиджак, их взгляды встретились. Она не сопротивлялась, позволяя ему наблюдать за ней. Сняв пиджак, Тан Цю протянула руку, чтобы расстегнуть пуговицы на его рубашке, но он остановил ее, сказав:

— Я справлюсь с этим сам.

Тан Цю не стала спорить.

— Хорошо. Но с брюками тебе будет сложнее, поэтому позволь мне помочь тебе с ними.

Цзян Шаочэн ничего не ответил.

Несмотря на свою первоначальную напористость, Тан Цю вскоре обнаружила, что с трудом справляется с задачей. Ей никогда раньше не приходилось расстегивать мужской ремень, и после нескольких неудачных попыток она была вынуждена обратиться за помощью.

— Не мог бы ты показать мне, как это делается?

Без слов Цзян Шаочэн взял ее маленькие мягкие руки и поднес их к скрытой пряжке на поясе. Со щелчком ремень расстегнулся.

— Скрытая пряжка, — пробормотала Тан Цю, на ее лице играло восхищение. — Понятно.

Не дав ему возможности отказаться, она быстро стянула с него брюки.

Цзян Шаочэн уже хотел попросить дворецкого помочь ему, но замолчал, чувствуя, как прохладный воздух ласкает нижнюю часть его тела. Снимая с него брюки, Тан Цю не могла не коснуться его кожи. Кончики ее пальцев были теплыми и мягкими, они скользили по его ногам, словно поцелуй перышка. Ее взгляд прошелся по его ногам — стройным, мускулистым, полным силы.

Цзян Шаочэн не мог ничего поделать, кроме как сидеть под ее любопытным взглядом. Он положил обе руки на колени в тщетной попытке сохранить скромность.

— Спасибо. Пожалуйста, попроси дядю Вана войти.

«Ему больше не нужна моя помощь?» — Тан Цю уже собиралась настаивать на том, что и она способна помочь ему, но тут он вмешался, видимо, предвидя ее ответ:

— Прости меня. Я хотел бы сохранить немного достоинства.

Его взгляд опустился на голые ноги, и впервые под его мягкой и спокойной манерой поведения она уловила проблеск возбуждения.

— Прошу прощения, — пролепетала она. — Я не думала об этом в таком ключе.

Помочь ему снять брюки — это совсем другое, чем помочь надеть их; несомненно, мужчина с таким статусом, как у Цзян Шаочэна, осознал бы свою уязвимость перед другими. Поэтому ей пришлось удалиться.

Вошел дядя Ван. Его глаза расширились, когда он увидел обнаженные ноги Цзян Шаочэна.

— Молодой господин! Как эта женщина могла быть такой дерзкой? О чем она думала? Она заставила вас?

Темные глаза Цзян Шаочэна метнулись в его сторону. Он поднялся с кресла-каталки, несколькими уверенными шагами пересек комнату и самостоятельно натянул брюки. Стоя перед зеркалом во весь рост, он снял маску, и фальшивая кожа под ней отслоилась, обнажив холодные, жесткие края челюсти и поразительно красивое лицо — божественное произведение искусства, вылепленное безупречно.

Его мягкий фасад поблек. Когда он заговорил, его голос был полон холодной властности.

— Узнай все, что сможешь, о Тан Цю.

Его жена утверждала, что вышла за него по собственной воле. Но какие тайны она скрывала? Какие обстоятельства подтолкнули ее к такому выбору?

...

В особняке было достаточно слуг, чтобы при желании Тан Цю не нужно было и пальцем шевелить, чтобы выполнить любое поручение. Но все же в знак доброй воли она надела фартук и решила лично приготовить завтрак для мужа.

Закончив готовить, она уже собиралась подняться наверх, чтобы позвать Цзян Шаочэна завтракать, когда услышала звук открывающейся двери. Вошел мужчина в красном костюме.

Он увидел Тан Цю, и в его взгляде промелькнуло удивление:

— Ты новая кухарка? Симпатичная.

Он сократил расстояние между ними, взял ее подбородок между пальцами и стал пристально смотреть на нее.

Тан Цю отпрянула, выражение ее лица потемнело, и она отступила назад.

— Кто ты такой? Не трогай меня.

Ухмылка растянулась по лицу мужчины.

— Я второй старший сын семьи Цзян, Цзян Мин. Только не говори, что ты меня не узнала?

— Второй старший сын семьи Цзян, — насмешливо повторила Тан Цю, держась от него на расстоянии. — Думаешь, это дает тебе право лапать меня, когда захочешь? Держись от меня подальше, иначе пожалеешь.